

вания селщ.⁷¹ Мпкрорегион, который может быть очерчен по рядной на землю Подграмскую, является перспективным, но сплошному археологическому обследованию он пока не подвергался.

Итак, современные деревни Сенно, Иверицы, Подграмье, Луки существовали уже в XIV в. Что же касается отсутствия в писцовой книге 355 (1585—1587 гг.) топонима «Подграмье», то он, возможно, неправильно передан писцом как «Подгривье». Но может быть и другое объяснение. Дело в том, что далеко не все названия деревень и пустошей попадали в писцовые книги. По данным писцового описания 1585—1587 гг., в Сенской губе было 15 деревень и 46 пустошей, а по названиям известны только 7 деревень и 8 пустошей. Л. М. Марасинова отмечает, что «крайняя раздробленность и размельченность псковского церковного и монастырского землевладения приводила к тому, что далеко не все земли, на которые были представлены харатейные данные, были записаны в писцовые книги. Этих старинных грамот представлялось во время описаний так много, что „всего уписать писцом было неместимо“».⁷² Не исключено, что д. Подграмье и попала в число восьми «безымянных» деревень Сенской губы.

Соответствие в названиях «Подгранье» (в Каменской губе Завелицкой засады) и «Подграмье» (в Сенской губе Изборского уезда), вероятно, связано с проходившим здесь древним Грамским путем. Документы XIV—XVII вв. фиксируют два участка этой дороги.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ДУХОВНЫЕ ГРАМОТЫ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО ДОМА XIV в. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УДЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Нет необходимости доказывать важное значение княжеских духовных грамот как исторического источника. Духовные грамоты князей Московского дома XIV—XV вв. издавна служили предметом пристального внимания исследователей. В XIX в. при создании общих трудов по истории России к ним обращались Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и другие ведущие историки; при написании истории русского права они

⁷¹ См., напр.: *Сергеева Л. Е.* Разведка в Псковской области. — В кн.: *Археологические открытия 1979 г.* М., 1980, с. 32—33; *Мануйлов А. Е.* Разведка в Печорском районе Псковской области. — Там же, 1980 г., 1981, с. 19—20; *Харлашов Б. П.* Разведки по р. Кудебь на Псковщине. — Там же, с. 36.

⁷² НПГ, с. 20.

были широко использованы В. И. Сергеевичем и А. В. Экземплярским в его исследовании о князьях Северной Руси. Появляется и первое специальное исследование, посвященное этим грамотам.¹

Анализ содержания духовных занимает большое место в монографиях А. Е. Преснякова² и Л. В. Черепнина,³ посвященных истории создания единого Русского государства. Изучались духовные и в специальных источниковедческих аспектах. Вопросы дипломатики этих грамот изучены С. М. Каштановым,⁴ хронологии — А. А. Зиминим,⁵ исторической географии — В. Н. Дебольским⁶ и М. К. Любавским,⁷ сфрагистики — А. В. Орешниковым.⁸ Вопросы финансового устройства, отраженные в духовных, изучены С. М. Каштановым.⁹ Крупное достижение советской археологии — новое издание грамот, выполненное на высоком научном уровне Л. В. Черепниным.¹⁰

Тем не менее как один из важнейших источников по истории XIV—XV вв. духовные грамоты князей Московского дома изучены далеко не во всех аспектах. Задача настоящей статьи — проследить, как отразилось в духовных грамотах князей XIV в. развитие удельной системы — основы политической структуры Русской земли того времени.

Наиболее ранняя из известных духовных московских князей принадлежит Ивану Калите.¹¹ Есть основание думать, что предшественники Калиты на московском столе письменных духовных не составляли — об этих документах нет никаких упоминаний

¹ *Чичерин Б. Н.* Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. — В кн.: *Опыты по истории русского права.* М., 1858. 390 с.

² *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. 458 с.

³ *Черепнин Л. В.* 1) Русские феодальные архивы. М., 1948, ч. 1. 469 с.; 2) Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. 898 с.

⁴ *Каштанов С. М.* 1) Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.). — Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975, с. 114—115; 2) К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV—начала XVI в. — В кн.: *ВИД.* Л., 1979, XI, с. 238—251.

⁵ *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — В кн.: *Проблемы источниковедения.* М., 1958, вып. VI, с. 275—324.

⁶ *Дебольский В. П.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический материал. СПб., 1901, т. I. 35 с.; 1902, т. II. 57 с.

⁷ *Любавский М. К.* Образование основной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. Л., 1929.

⁸ *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике. — Тр. Моск. нумизмат. о-ва. М., 1903, т. III, вып. 1, с. 108—150.

⁹ *Каштанов С. М.* Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. — В кн.: *Исследования по истории и историографии феодализма.* М., 1982, с. 173—189.

¹⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1951. 585 с. — Далее: ДДГ.

¹¹ ДДГ, № 1, с. 7—11. — Дипломатический анализ см.: *Каштанов С. М.* Русские княжеские акты..., с. 115; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства, с. 162—166; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 12—20.

ни в других актах, ни в летописи. Если так, то завещательные распоряжения отца и брата Калиты (если они имели место) отдавались в традиционной со времен Ярослава Мудрого форме устного «ряда». Во всяком случае именно с духовной Ивана Калиты начинается стойкая московская традиция составления письменного «ряда» и княжеская духовная приобретает значение важного политического акта. Таким образом, духовная Калиты занимает особое место как в архиве московских князей, так и в истории княжеских духовных как особого вида письменных источников.

В преамбуле грамоты Калиты рассказывается об обстоятельствах составления духовной. Князь отдает свои распоряжения не на смертном одре, как Ярослав Мудрый, а в особой политической ситуации — «идя в Ворду». Поездка в Орду для русского князя XIV в. хотя и обязательное, но весьма рискованное предприятие, которое далеко не всегда кончается благополучным возвращением домой. Это и побуждает Калиту дать «ряд сыном своим и княгини своей». Содержание этого ряда в первой духовной можно разбить на 15 статей.

Первое положение духовной — распоряжение Москвой. Столица княжества, отчина Калиты, «приказывается» всем сыновьям в совместное владение.¹² Все остальное наследство подлежит разделу: «се есмь им раздел учинил». Затем в следующих трех статьях описываются доли каждого из сыновей. По своей конструкции эти статьи одинаковы. Каждая состоит из двух частей: в первой перечисляются земельные владения, во второй — движимое имущество в виде драгоценностей. Идентична и структура земельных владений: они состоят из городов, волостей, слобод и отдельных сел. Размеры самих владений, по-видимому, различны: Семену достаются Можайск и Коломна, Ивану — Звенигород, Андрею — Лопастна, Серпухов и др. Основные города княжества переходят в руки старшего сына. Зато в распределении своей казны Калита старается соблюсти полное равенство: каждый сын получает по «4 чепи золоты», по несколько золотых поясов и т. п.

Пятая статья посвящена наследству княгини с меньшими детьми: она получает волости и слободы, «что были за княгинею», и несколько сел. Шестая статья — о доходах. Тамгой, мы-

¹² Г. В. Семенченко пришел к выводу, что по духовной Калиты и последующих князей столица делилась на доли (трети) как определенные территориальные единицы (*Семенченко Г. В.* Управление Москвой в XIV—XV вв. — Ист. зап., 1980, т. 105, с. 201 и след.). Напротив, А. Л. Хорошкевич отмечает спорность представления о трети как территориальной единице (*Хорошкевич А. Л.* К взаимоотношениям князей Московского дома во второй половине XIV—начале XV в. — Вопросы истории, 1980, № 6, с. 179). Такого же мнения придерживается В. Б. Кобрин (*Кобрин В. Б.* Землевладельческие права княжат в XV—первой трети XVI в. и процесс централизации Русь. — История СССР, 1981, № 4, с. 45). В любом случае сохраняется основной принцип — Москвой владеют все потомки Калиты, члены княжеского дома.

том и другими городскими доходами, а также медовым оброком «поделятся сынове мои», осмичее целиком дается княгине. Седьмая статья — о лично зависимых и несвободных людях. Эти люди заранее разнесены по росписям на имя каждого наследника: «которые в которой росписи, то того». Восьмая статья имеет принципиально важное значение — она предусматривает возможность предела уделов: «да имуть искати татарове которых волостей, а отоимуться».¹³ Девятая статья определяет статус численных людей: они разделу не подлежат, их князья «блюдут вси с одного». Десятая статья — опять о купленных людях: записанные «в великом свертце», они делятся между сыновьями. Одиннадцатая статья — о драгоценностях, идущих дочери Фетинье и княгине с меньшими детьми. Двенадцатая статья — об одежде, идущей в раздел между детьми. Тринадцатая статья — об оставшемся имуществе: серебряные пояса, 120 руб. денег, «что ся останеть моих порт», идут в раздачу московским церквам, «великое серебряное блюдо» — Успенскому собору во Владимире. Четырнадцатая статья устанавливает особое положение старшего сына Семена: на него возлагается забота о младших братьях и княгине с меньшими детьми. Последняя, пятнадцатая, статья — о стадах: они тоже делятся между наследниками.

Далее следуют перечисление послухов (ими оказываются три священника) и наименование писца. Грамота завершается заклятием.

Вторая грамота Ивана Калиты в своей основной части дословно совпадает с первой. Однако после тринадцатой статьи следует статья о стадах (пятнадцатая по расположению в первой грамоте), а за ней — новый текст о селах, купленных Калитой вне пределов Московского княжества: в Повгороде, Владимире, Юрьеве, Костроме, Ростове, на Мсте и Кержаче. Эти села распределяются между наследниками, три из них завещаются «в поминанье», а одно находится в условном владении у Бориски Воркова. Далее идут статьи об ответственности Семена как старшего сына (соответствует статье четырнадцатой первой грамоты), санкция и перечисление тех же послухов, как в первой грамоте. Текстуальная близость обеих грамот настолько велика, что их можно рассматривать как два варианта одного и того же документа или две стадии работы над ним. Структура

¹³ С. М. Каштанов считает, что под термином «волость» в данном случае следует подразумевать право на сбор пошлин (*Каштанов С. М. Финансовое устройство...*, с. 175). Представляется, однако, что термин «волость» в духовной фигурирует не в одном, а в двух своих значениях (что признает ниже и сам Каштанов, см.: там же, с. 176—177). «Тамгою и шыми волостями городскими поделятся сынове мои» — здесь речь идет о праве власти над городскими пошлинами. Когда же говорится о претензиях татар на «волости», то, по всей вероятности, имеются в виду именно их территориальные претензии (как и во всех последующих духовных). «Волость» в этом втором случае — власть над определенной территорией, т. е. удел.

документа отличается большой стройностью. В нем почти нет логических перепадов, повторов и возвращений, — видимо, содержание было хорошо продумано заранее.¹⁴

Содержание второй грамоты можно свести к нескольким основным моментам. Князь распоряжается, во-первых, территорией своего княжения, а также своими прикупам, во-вторых, доходными статьями, в-третьих, категориями людей, находящихся в особой степени зависимости и несвободных, в-четвертых, движимым имуществом. Особое значение имеют статьи, регламентирующие отношения между наследниками (статьи восьмая и пятнадцатая первой духовной).

К числу особенностей духовной можно отнести ее по преимуществу сугубо материальный, вещный характер. В отличие от «ряды» Ярослава Мудрого она не содержит никаких общих декларативных положений, никаких моральных сентенций и на первый взгляд никакой политической программы. Завещатель не устанавливает никаких норм в отношениях между своими наследниками, кроме самых общих принципов (статьи восьмая и пятнадцатая), и не пытается определить будущее создаваемых им уделов, кроме опять же самого общего случая (статья восьмая). В этом смысле духовные Калиты чрезвычайно лапидарны. В их тексте невозможно отличить суверенные княжеские права на уделы от частновладельческих прав на села — прикупы.¹⁵

¹⁴ Датировка духовной Калиты вызывает споры в литературе. Из новейших исследователей Л. В. Черепнин относит ее к 1330 г. — году последней поездки Калиты в Орду (*Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы*, ч. 1, с. 16—17), а А. А. Зимин — к первой поездке 1329 г. (*Зимин А. А. О хронологии...*, с. 276—279). Основной тезис А. А. Зимина — в духовной упоминается не вторая, а первая княгиня Калиты — Елена (умерла в 1331 г.). Однако его аргументация не бесспорна. Во-первых, о княгине Елене в духовной говорится явно как о покойнице (что заметил еще А. В. Экземплярский): «А что золото княгини моей Оленино, а то дал есмь дочери своей...» «Золото» — собственность княгини, и распоряжаться им при ее жизни Калита не мог. В этой статье говорится и о золоте, «что есмь придобыл» сам Калита, в отличие от золота княгини Елены, которое идет ее дочери, это «придobyтое» золото дается «княгине» (явно новой) с меньшими детьми. Во-вторых, если принять датировку А. А. Зимина, то в момент составления духовной младший сын Андрей был грудным младенцем и едва ли мог противопоставляться «меньшим детям». Меньшие дети — это скорее дети от второй жены, а Серпуховский удел князю Андрею назначается тогда, когда тот был уже значительно старше «меньших». Следовательно, традиционная (после А. В. Экземплярского) идентификация «княгини» духовной со второй женой Калиты (второй брак — с 1332 г.) является более вероятной и датировка, предложенная Л. В. Черепниным, не вызывает принципиальных возражений, хотя его предположение об отправке Калитой духовных грамот в Орду со своими сыновьями (*Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы*, ч. 1, с. 16, 19) остается недоказанным.

¹⁵ На подобную особенность духовной Калиты обратил внимание один из самых тонких и внимательных ее исследователей, объяснивший эту черту духовной свойственным средневековью смешением публично- и частноправовых элементов (*Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства*, с. 166, примеч. 1).

Однако было бы большим заблуждением недооценить политическое значение духовных. В сжатой, неразвернутой форме они четко устанавливают самые общие, самые фундаментальные основы политической системы Московского княжества, сводящиеся к трем главным положениям: совместное владение Москвой, необходимость переделов при утрате каких-либо владений, ответственность («печалованье») старшего сына.¹⁶

Общие положения духовной Калиты были уточнены, развиты и конкретизированы в докончании его сыновей, которые «целовали... межн себе крест у отня гроба».¹⁷ В этом документе впервые появляется формула: «брата своего старейшего нмети ны и чтити в отцево место». Так трансформировалась статья духовной Калиты о старшем брате — «печальнике». В этом же докончании впервые устанавливаются некоторые особые права старшего брата — полтамги, пути сокольничий, конюший и ловчий, право на садовников и коней ставить.

Особое значение имеют впервые декларированные положения, уточняющие взаимоотношения между князьями. «Кого из нас бог отведет, печаловатися княгинею его и детми, как при животе, так и по животе, а не обидетн... ни имати ничего ото княгини и от детии, чим ны кого благословил отец наш по разделу». Это важнейшее положение, не имеющее прямой аналогии в духовной Калиты, формулирует принцип наследственности уделов, созданных Калитой, устанавливая тем самым основы удельной системы в Московском княжестве (с этим связаны и принцип неприкосновенности «примыслов»: «кто из нас... что примыслил или прикупил или кто по семь что кто прикупить... своим волостем, и того... блюсти, а не обидети», — и запрет приобретать земли в чужом уделе: «ни нашим боярам, ни слугам сел в твоём уделе (не купити)»).

Не менее существенно и следующее положение: «А по животе кто из бояр и слуг иметь служити у наших княгинь и у детии... нелюбья не держати... но блюсти, как и своих», — так устанавливается один из основных принципов экстерритори-

¹⁶ Нельзя не согласиться с Л. В. Черепниным, что «это была целая программа» деятельности московских князей. Однако представляется, что основы политического строя Московского княжества определялись не только отношениями с Ордой, как склонен считать Л. В. Черепнин (Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 19—20). Единство Москвы — не только в интересах исправной выплаты ордынского выхода, но и для сохранения союза князей — Калитичей.

¹⁷ ДДГ, № 2, с. 11—13. — Для датировки грамоты нет достаточных реалий. Л. В. Черепнин, по-видимому, прав, отказываясь относить ее ко времени сразу после смерти Калиты — между братьями уже успела произойти «свада», уже «вшел в коромолу» боярин Алексей Петрович. С другой стороны, нет бесспорных оснований относить грамоту именно к 1350—1351 гг., как это делает Л. В. Черепнин, и прямо связывать ее с ордынскими и литовскими отношениями (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 20—22). Думается, что А. А. Зимин ближе к истине, допуская более широкую датировку документа (Зимин А. А. О хронологии... с. 280).

риальности феодальной службы. В более развернутом виде это выглядит так: «А боярам и слугам вольным воля: кто поедет от нас к тебе, к великому князю, или от тебе к нам, нелюбы ны не держати». Поясняется, кто такие «вольные слуги», это те, «кто в кормлении бывал и в доводе при нашем отци и при нас». Основа московской удельной системы — военно-политический союз между князьями: «Быти ны заодин до живота... А кто будет брату нашему старейшему недруг, то и наш недруг... А тебе, господине князь великий, без нас не доканчивати ни с ким. А братье твоеи младшей без тебе не доканчивати ни с ким... А где ми будет всести на конь, всести вы со мною. А где ми будет самому не всести, а будет ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья».

Докончальная грамота Калитичей является логическим и историческим продолжением духовной их отца. Если духовная Калиты кладет начало традиции письменных завещаний князей Московского дома, то докончание его сыновей создает не менее важный прецедент: обычай заключения письменных договоров между наследниками завещателя. Духовные и договорные грамоты московских князей тесно связаны друг с другом. В данном случае эти два документа в своей совокупности определяют основы политической структуры Московского княжества середины XIV в.¹⁸

Именно поэтому Семен Гордый в своей духовной ссылается в равной степени на оба документа — и на докончание, «какo тогда мы целовали крест у отия гроба», и на благословение отца.¹⁹ Духовная Семена — один из наиболее эмоционально насыщенных и трагических документов московского княжеского архива. Она написана хотя и «при своем животе», но уже после пострижения князя, принявшего в монашестве имя Созонт. Документ составлен, видимо, в самые последние дни или даже часы его жизни в условиях катастрофического бедствия, постигшего Русскую землю, — небывалой дотоле эпидемии чумы.²⁰ Этим, вероятно, и объясняются особенности содержания и стиля этой духовной, резко отличающие ее как от завещания Калиты, так и от позднейших грамот этого рода.

Первое и наиболее существенное отличие — адресат завещания. У автора духовной нет прямых наследников, их скосила чума. Именно поэтому он дает «ряд своей княгине», к которой для руководства и бережения приставлен «дядя» умирающего

¹⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 24.

¹⁹ ДДГ, № 3, с. 13—14; Каштанов С. М. Русские княжеские акты..., с. 115; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства, с. 170—171; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 25—27.

²⁰ Принятие Семеном монашеского имени, что делалось обычно перед самой смертью, заставляет датировать грамоту скорее «около 26 апреля» (дата смерти великого князя), а не серединой марта, как делает Л. В. Черепнин (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 25).

князя.²¹ Княгине завещаются все владения Семена — Коломна и Можайск со всеми волостями и селами, принадлежавшая ему доля московской тамги, все полученные по наследству и купленные им самим села, а также движимое имущество. Духовная пишется в большой спешке — отсюда характерная оговорка: «или буде чего забыл написати свои купли и участка, чим мя благословил отец мой, тако же и про золото...» Ставший выморочным удел князя Семена не передается братьям, а продолжает свое самостоятельное существование в руках его княгини. Этот порядок обосновывается dokonчанием Калитичей, введшим принцип наследственной неприкосновенности уделов. Эти основные положения духовной являются беспрецедентными и уникальными.

Представляют интерес и другие ее положения.

Князь Семен провозглашает принцип неприкосновенности своих судебных решений: «А что будет судил когда... а того вы, братья мои, не восчинайте». Он определяет норму доходов наместников и волостей: «А хто моих бояр имеют служити у моее княгини, а волости имут ведати, дают княгини моеи прибытка половину». В отличие от своего отца князь Семен отпускает на волю всех своих зависимых и несвободных людей: «деловых, или кого будя прикупил, или хто ми ся будеть в вине достал», — а также своих слуг — министерялов: «тивуни, и поселские, и ключники, и старосты, или хто ся будеть у тых людей женил».

В отличие от духовной Калиты грамота князя Семена включает программно-декларативную часть, адресованную братьям: «...яз вам приказываю, своеи братьи, жити вам заодин. А лихих бы есте людей не слушали, и хто иметь вас сваживати. Слушали бы есте отца нашего, владыки Олексея, такоже старых бояр, хто хотел отцю нашему добра и нам». Она содержит также ярко эмоциональную концовку: «...чтобы не перестала память родителей наших и наша и свеча бы не угасла». Грамота написана перед своего рода освященным собором — тремя епископами и двумя архимандритами (а также перед духовником завещателя).

По буквальному смыслу духовной бездетная вдова княгиня Мария Александровна, дочь и сестра тверских князей, заклятых врагов Москвы, является единственной наследницей и тем самым становится суверенной владелицей самого крупного из московских уделов. Казалось бы, претворение в жизнь этой статьи духовной должно привести к гибели Московского княжества — к разрушению какого-либо политического и территориального единства Московского дома.²² Но видна и другая линия доку-

²¹ Л. В. Черепнин, возможно, прав, видя в этом «дяде» тысяцкого Василия (*Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы*, ч. 1, с. 26—27).

²² Этот парадокс не раз отмечался в литературе, см.: *Сергеевич В. И. Древности русского права*. 3-е изд. СПб., 1909, т. 1, с. 66. — С. М. Каштанов тоже считает, что князь Семен «свой удел и имущество ... полностью завещал княгине-жене» (*Каштанов С. М. Финансовое устройство...*, с. 179).

мента. С каким наставленным обращается к княгине князь Семен, делая ее владелицей своего удела? «А что есмь писал в сю грамоту, то есмь все дал своен княгине, ать молить бога, а душу мою помнаеть до своего живота». Все наставления политического характера относятся только к братьям. Недаром им адресована статья о соблюдении судебных решений Семена. Им же князь Семен приказывает (в самом начале духовной) «свою княгиню, и своего [дядю], и свои бояре... блюсти по нашему докончанию».

Таким образом, распоряжения князя Семена носят в известном смысле двойственный характер. Княгиня Мария Александровна выступает не столько политической, сколько личной наследницей; политическими наследниками князя являются прежде всего его братья, на которых и возлагается общий контроль за исполнением распоряжений Семена: «А все есмь се положил... на своей братье, на князи на Иване и на князи на Андрее». С этим связана и другая важнейшая черта духовной — полное умолчание о Москве, основном объекте власти московского князя. Это умолчание не случайно. Бездетный князь Семен не может распоряжаться столицей княжества, которой он по духовной отца владел совместно с братьями. После него к братьям, естественно, переходит его доля в Москве и в управлении Московским княжеством как политическим целым.

Владелица же Коломны и Можайска как будто лишена реальной политической власти, хотя и получает (через своих бояр) доходы со своих волостей. Ее дело — только поминать душу князя Семена.

Подобная двойственность духовной объясняется прежде всего особыми обстоятельствами ее написания. Завещатель стремится одновременно решить две задачи: как можно лучше обеспечить свою вдову и сохранить единство Московского дома. Отсюда недоговоренности, неясности, противоречия и парадоксы в отдаваемых наслех распоряжениях умирающего князя.

В отличие от своего старшего брата князь Иван Красный начинает свою духовную статью о судьбах столицы.²³ Наследники-адресаты «рядя» — сыновья завещателя, Дмитрий и Иван, его братанич Владимир и жена — княгиня Александра. Князь Иван Красный выступает, таким образом, не только главой своей семьи, но и главой целого дома — всей совокупности московских князей. Сыновья владеют Москвой сообща, братаничу выделяется треть в управлении Москвой и в городских доходах, а княгиня никакого участия в управлении столицей не принимает, получая только часть московской тамги. Разделу между тремя

²³ ДДГ, № 4, с. 15, 19; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства, с. 171—172; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 27—31; Зимин А. А. О хронологии..., с. 280—281; Кашганов С. М.: 1) Русские княжеские акты..., с. 115; 2) Финансовое устройство..., с. 182—189.

московскими князьями подлежат медовый доход, конюший путь и право ставить коней по станам (т. е., вероятно, платежи за соответствующие повинности). Численные люди, как и прежде, в раздел не идут, а блюдутся «сопча с одного».²⁴

Таким образом, Москва остается в совместном управлении внуков Калиты — князей Московского дома. Другими словами, Московский дом — это князья, совместно осуществляющие в Москве всю полноту политической, судебной, административной и фискальной власти.

Как и в духовной Калиты, в соответствующих статьях конструируются уделы сыновей завещателя. Старший Дмитрий получает Можайск и Коломну, младший Иван — Звенигород. Все эти города даются с волостями, селами и всеми пошлинами, т. е. со всем объемом княжеской власти. Братанпч Владимир Андреевич «ведает удел отца своего».²⁵

Несколько статей духовной посвящаются землям великих княгинь — вдов, которых к этому времени было три. За Марией Александровной «до живота» остается около 30 владельских единиц — волостей, сел и отдельных деревень, главным образом в Коломенском уезде. Вдова князя Семена Гордого является, таким образом, прижизненной владелицей довольно обширной территории, но без права распоряжения ею: «по ее животе те волости и села» все переходят к князю Дмитрию Ивановичу. Не менее важно, что в состав владений княгини Марии входят только волости и села, но нет ни одного города: у нее нет удела в собственном смысле слова. В аналогичном положении оказываются и другие княгини. Волости и доходы княгини Ульяны, вдовы Калиты, «по ее животе» идут в раздел между наследниками князя Ивана, из ее земель наделяется также дочь в случае выхода замуж. Княгиня Александра, жена самого завещателя, получает в пожизненное владение отдельные волости и села на Москве, в Коломне и Звенигороде: «по ее животе» все это «дастся сыну... в которого уезде, то того и есть».

Как и в духовной Калиты, одна из статей предусматривает возможность передела земель между наследниками, если «по грехом... отымеется которое место».²⁶ Хотя княгини-вдовы не являются собственно владельцами уделов, правило передела распространяется и на них.

Отдельные статьи документа посвящены распоряжениям о движимом имуществе.

²⁴ *Кашганов С. М.* Финансовое устройство... с. 188—189.

²⁵ Можно предполагать, что князь Андрей Иванович Серпуховской, умирая в 1353 г., не оставил «ряда» — во всяком случае никто на этот «ряд» не ссылается.

²⁶ Л. В. Черепнин связывает это распоряжение с конкретной политической ситуацией 1358 г. (посольство Мамат-Хожги и возможность конфликта из-за него с Ордой). Думается, однако, что статья о переделе могла иметь и более широкое значение, вновь постулируя принцип единства территории Московского княжества.

Духовная говорит и о судьбе министерялов. Как и старший брат, князь Иван Красный отпускает на волю казначеев, тиунов, посельских, дяков, «что будет ... ведали прибыток ли который», а также холопов — «людей полных, купленных, грамотных».

Послухи при грамоте, как у отца и у брата, — только представители духовенства: епископ Ростовский, игумен и два священника.

Как видим, духовная князя Ивана Ивановича и по формуляру, и по содержанию близка к духовной его отца. Общими чертами их являются совместная власть над Москвой князей Московского дома, назначение уделов каждому из наследников (причем в состав уделов включаются наряду с городами и волостями Московского княжества также и отдельные села — примыслы и прикупы в других землях), наделение волостями и селами вдовой княгини, оговорка о возможности переделов, раздел между наследниками движимого имущества, присутствие при составлении грамоты только духовных лиц.

Наряду с этим заметны и новые черты. С точки зрения структуры документа новым является выделение текстов о движимом имуществе в отдельные статьи, новые по существу и распоряжения о владениях не только прямых наследников, но и вдовых княгинь «по их животе» и об отпуске на волю министерялов и рядовых холопов. В отличие от Калиты, возложившего на старшего сына «печалование» о младших, князь Иван не включил в свою духовную соответствующей статьи, оставив, таким образом, открытым вопрос о взаимоотношениях между своими наследниками. Это свидетельствует о том, что особая ответственность старшего брата — главы дома, которая в какой-то степени подразумевалась сама собой в области семейных отношений, еще не стала одним из основных конституирующих положений московской удельной системы.

Договорные грамоты Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского восполняют этот пробел — они устанавливают принципы взаимоотношений между князьями в духе того, «как то отци наши жили с братом своим старейшим... со князем с великим с Семеном». Основные положения dokonчания Калитичей «у отня гроба» получают в этих договорах дальнейшую конкретизацию и развитие.²⁷ В этих грамотах, в частности, впервые появляется обязательство младшего князя держать под старшим «княжение... великое честно и грозно» и ответное обязательство старшего «брата своего держати в братстве без обиды» — данными положениями подчеркивается политический приоритет старшего князя. Впервые вводятся статьи об общих друзьях и недругах, о взаимных обязательствах не заключать сепаратных союзов и

²⁷ ДДГ, № 5, 7, 11; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства, с. 177—185; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 31—45.

не вести сепаратных переговоров, о взаимной политической информации; статьи, регламентирующие боярскую службу, сбор дани, управление податным населением, а также другие, более частные вопросы. Докончания Дмитрия Донского и его двоюродного брата в целом укрепляют и развивают политическую систему Московского княжества как иерархическую федерацию князей — потомков Калиты. Развитие этой системы идет по пути ее усложнения. Во-первых, при Донском в распоряжение старшего московского князя попадают новые земли на территории великого княжения, и эти земли становятся объектом сделок между князьями Московского дома. Во второй договорной грамоте, например, речь идет о Галиче и Дмитрове, данных великим князем в удел «брату моложшему». ²⁸ Во-вторых, в систему политической иерархии включаются прямые наследники князей, и этим регламентируется структура межкняжеских отношений на будущее время. Так, во второй договорной грамоте князь Владимир обязуется «держати братом старейшим» старшего из сыновей Дмитрия. ²⁹ В третьем докончании иерархия еще более усложняется: Владимиру надлежит иметь Дмитрия «отцом», старшего сына его Василия — «братом старейшим», «а князя Юрия братом, а дети... меньшие братьею молодшею». ³⁰ Необходимо подчеркнуть, что это усложнение иерархической структуры Московского княжеского дома носит далеко не формальный характер, а имеет ярко выраженную политическую направленность. В духе основных принципов политики Дмитрия Донского усложнение иерархии московских князей преследует цель усиления власти и политического значения великого князя и его наследника за счет понижения политического статуса других князей Московского дома.

Насколько можно судить по сохранившейся части текста первой духовной Донского, по своему формуляру и содержанию она была близка к духовной его отца. Ее основное отличие (в дошедшей до нас части) — отсутствие раздела земель и движимого имущества между наследниками: все вместе завещается «сыну моему князю Василью и моей княгине и моим детям». ³¹ Другое отличие — присутствие при составлении духовной светских лиц, в том числе окольничего Тимофея. В этом факте отразилось важное явление эпохи Донского — рост общественно-политического значения боярства, социальной опоры великого князя и инструмента его политики. Именно в это время складывается основное ядро московского военно-служилого вассалитета. ³²

²⁸ ДДГ, № 7, с. 23.

²⁹ Там же, с. 24.

³⁰ Там же, № 11, с. 31.

³¹ Там же, № 8, с. 25; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 58—59; *Зимин А. А.* О хронологии..., с. 285—286.

³² *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 502—505 и след.

Вторая духовная Донского гораздо богаче по содержанию.³³ Ее исходное положение: «... вы, дети мои, живите заодин, а матери свое слушайте во всем». Ясно, что это — не установление системы политических отношений между взрослыми сыновьями — князьями и их матерью, а провозглашение определенного нравственного принципа, моральной основы в отношениях между наследниками.

Первая статья — традиционное положение о совместном владении Москвой всеми четырьмя сыновьями завещателя. При этом за князем Владимиром Серпуховским остается его треть. Новое здесь — выделение старшему сыну Василию половины доходов «на старейший путь». Этот момент встречается в духовной впервые: впервые преимущество старшего сына подчеркивается выделением ему особого «старейшего пути».³⁴

Расширенное новыми приобретениями Московское княжество идет в раздел между сыновьями. Василий получает Коломну, Юрий — Звенигород, Андрей — Можайск, Петр — Дмитров. Эти города даются со всеми волостями и пошлинами. Каждый сын получает также по несколько второстепенных городков и по несколько московских сел. Сыновьям идут и прикупы в других уездах — Юрьевском и Ростовском.

Принципиально важная новая черта — включение в духовную распоряжений о великом княжении. Впервые московский князь благословляет «сына своего... свою отчиною, великим княжением».³⁵ Это — следствие крупных изменений в положении московского князя в результате успешной внутренней и внешней политики Донского, побед над Литвой, Тверью и Рязанью и прежде всего блестящей победы на Куликовом поле.³⁶

Другие сыновья также впервые наделяются землями за пределами старого Московского княжества: Юрий получает Галич, Андрей — Белоозеро, Петр — Углич. Эти земли — формально купли Ивана Калиты у местных князей, но только теперь они по-

³³ ДДГ, № 12, с. 33—37; *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства, с. 185; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы, с. 59—64; *Кацганов С. М.* К изучению формуляра..., с. 249—250.

³⁴ А. Е. Пресняков прав, доказывая вопреки В. О. Ключевскому, что решающий перевес старшего сына создается не нарастанием излишка на «старейший путь», а его положением как великого князя (*Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства, с. 185). Но тем не менее выделение «старейшего пути» имеет важное политическое значение, определяя повышенный статус старшего сына.

³⁵ ДДГ, № 12, с. 34.

³⁶ А. Е. Пресняков считает, что права на великое княжение, заявленные грамотой, не противоречат авторитету ханской власти, а являются только закреплением положений договора с Владимиром Андреевичем (*Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства, с. 329—330). С чисто формальной точки зрения, возможно, это так. Но существо дела в усилении власти и авторитета великого князя московского, что подчеркивается всем текстом духовной. Дело не только в дипломатической победе, одержанной в 1383 г. в Орде над Михаилом Тверским (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы, ч. 1, с. 59), а в изменении общего стиля русско-ордынских отношений после Куликовской битвы.

падают в состав уделов московских князей «со всеми волостями и с селы и со всеми пошлинами». Это результат той же политики усиления власти великого князя и впервые ясно обозначившегося процесса слияния Московского княжества с великим княжеством Владимирским.

Традиционная черта духовной — формирование земельных владений великой княгини. Она получает в каждом уделе по несколько волостей и сел в пожизненное владение, а в полное распоряжение — примыслы и прикупы, свои собственные и великого князя.

Традиционное положение о переделе уделов включено в духовную в значительно более разработанном виде. Предусматриваются три случая: «которого сына моего бог отымет», «у которого сына моего убудет отчины», «отымет бог сына моего князя Василия». В первых двух случаях безусловным арбитром выступает княгиня-мать. В третьем — удел Василия идет следующему по старшинству, «а того уделом поделит их моя княгиня». На княгиню же возлагается выделение удела в случае рождения у нее сына после смерти Донского. В этих статьях княгиня Евдокия Дмитриевна выступает не только как нравственная глава семьи, но и как лицо, ответственное за важные политические решения. Тем самым межкняжеским отношениям придается характер равноправия и приоритет старшего сына существенно ограничивается.

Важная статья духовной содержит расчет ордынской дани по уделам Московского княжества. При всей приблизительности этого расчета (в итоге сумма не сходится) видно, что в Коломенском уделе князя Василия было сосредоточено немногим более трети доходов княжества, а в Звенигородском уделе Юрия — 27%, т. е. лишь ненамного меньше. В этой же статье впервые высказана мысль о возможности падения ордынского ига: «А переменит бог Орду...»

С точки зрения организации суда и управления представляет интерес статья о подсудности на землях великой княгини: «кому будет жалоба сиротам на волостели, и тем людем учинит исправу княгиня моя, дети мои в то не вступаются». Из этого положения духовной можно сделать два вывода. Во-первых, жалобы «сирот» (т. е. крестьян) на представителей феодальной администрации и соответствующее разбирательство по этим жалобам — повседневное бытовое явление. Автор духовной исходит из этого, по-видимому, само собой разумеющегося для него факта и только стремится не допустить вмешательства удельных князей в «исправу» над волостелями княгини-матери. Во-вторых, княгиня-вдова пользуется при жизни полными судебными-административными правами на выделенных ей землях, являясь, таким образом, суверенной владелицей, хотя и без права распоряжения землями.

Традиционными являются статьи о движимом имуществе и об отпуске на волю министерялов — казначеев, дьяков, посельских и тиунов (о рядовых холопах не говорится ничего).

Последние статьи духовной возвращаются к вопросу о взаимоотношениях наследников. Этот вопрос решается двояко. Во-первых, дети как таковые поручаются княгине-вдове и обязаны ей послушанием: «из ее воли не выступайте ни в чем». Во-вторых, «дети... младшие, братья князья Васильевы» должны чтить и слушать «своего брата старшего, князя Василья, в... место своего отца», а Василий в свою очередь должен держать их «в братстве, без обиды». Эта статья отражает уже сложившуюся систему отношений между князьями-братьями, впервые оформленную в dokonчании Калитичей.

Послухами при грамоте названы 10 бояр, — вероятно, весь наличный состав ближайших советников-вассалов великого князя, чем подчеркивается их политическое значение.

Духовная Дмитрия Донского — важнейший политический документ своего времени. Используя и развивая формуляр завещаний своего отца и деда, великий князь Дмитрий вложил в свою духовную во многом новое содержание: он впервые выступает не только как старший из московских князей, но и как великий князь Владимирский. Традиционность формуляра не помешала проявиться основным новым чертам документа. Политический кругозор автора духовной и ее географическая номенклатура принципиально шире, чем в предшествовавших ей завещаниях.

В духовных грамотах Калиты и его потомков ясно определилось значение духовной как важнейшего политического документа, подводящего итоги деятельности князя и определяющего дальнейший статус княжения. Содержание духовной лежит в основе всех политических соглашений между наследниками князя. За это время в достаточной мере определилась структура духовной грамоты и сложились некоторые параметры ее содержания.

Вполне проявилась основная черта духовной — двойственный характер ее как документа. Духовная — это завещание князя, облеченное в форму «ряда», его наследникам. Князь в своей духовной выступает в двух качествах. Он — глава семьи, распоряжающийся своим личным имуществом и наделяющий им своих наследников. В то же время князь — глава своего княжества, наделенный суверенными политическими правами. Отсюда — неизбежное переплетение в духовной двух мотивов — личного (частноправового) и политического (публично-правового).

Постоянная черта духовных — обращение князя к своим наследникам, распределение между ними земель и движимого имущества, присутствие при составлении духовной послухов.

Как правило, первая статья духовной посвящается распоряжениям о Москве. Москва рассматривается как особый объект княжеской власти. Каждый из потомков Калиты имеет свою долю в управлении Москвой, определяемую духовной своего отца. Москва, таким образом, объект коллективного долевого владения, символ политического единства князей Московского дома во главе со старшим из них. Последующие статьи — о землях,

назначаемых наследникам в порядке их старшинства. Наследниками являются как сыновья завещателя, так и его вдова.

Каждый из сыновей получает удел, состоящий из одного или нескольких городов с волостями, селами, слободами, со всей полнотой политической власти: с судом, данью, пошлинами и повинностями. Кроме того, каждый из сыновей получает села вне территориальных пределов своего уезда (это прежде всего московские села), в отдельных случаях — и в других уездах. В состав наследства входят промыслы и прикупы отца — отдельные села и слободы в других княжениях. Объем владельческих прав удельного князя в духовной формально не ограничивается, но духовная исходит из основного положения: все уделы московских князей являются неотъемлемыми составными частями Московского княжества как целого. На этой предпосылке основывается встречающаяся почти во всех духовных статья о возможности передела уделов в случае утраты каким-либо из наследников части его территории. Каждый из московских князей выступает в двух качествах — как князь своего удела и как соучастник, долевого совладелец политической власти и всей территории Московского княжества. Таким образом, удел — не только часть территории, но и основание для участия в политической власти во всей Московской земле. Другой молчаливо предполагаемый момент, неразрывно связанный с предыдущим, — возможность перехода удела к потомкам наследника.

Княгиня-вдова — тоже наследница. Она получает определенные территории со всем объемом княжеских прав (судом, данью, доходами). Однако ее положение как наследницы характеризуется особыми чертами.

Во-первых, она не получает доли политической власти в Москве — вместо этого ей идет часть московских доходов. Во-вторых, назначаемые ей владения не включают, как правило, в свой состав городов, а состоят только из волостей, сел и слобод, а также отдельных доходных статей в уделах ее сыновей. В-третьих, оговаривается переход ее волостей «по ее животе» к сыновьям — владельцам соответствующих уделов. Таким образом, княгиня-вдова является только пожизненной владелицей назначенных ей земель. Особую часть ее земель составляют ее собственные прикупы и села, назначенные великим князем ей «в опришнину», в этих селах она «вольна»: хочет — по душе даст, хочет — даст кому-нибудь из сыновей.

Положение княгини-вдовы определяется ее особыми отношениями к другим наследникам. Как мать она им «в отца место», является нравственно главой семьи и арбитром в спорах между сыновьями. В этой черте ярко проявляется двойственный характер духовной — как политического документа и как семейного завещания.

Эволюция духовной как документа идет по пути уточнения и усложнения формы и содержания при сохранении основного принципиального характера.

Традиционный по существу документ, духовная не стала застывшей, условной формой. Ее структура обладает известной гибкостью и в каждом отдельном случае в большой степени отражает конкретные исторические реалии. Это делает духовные князей Московского дома незаменимым источником для изучения политической и социально-экономической истории своего времени.

К специфике духовных грамот как документов, определяющих правовые основы удельной системы, можно отнести три главные черты. Первая черта духовной грамоты заключается в том, что для каждого данного поколения удельных князей-наследников она является основным документом, определяющим их территориальные и политические права. Духовная — исходный документ, на базе которого строятся дальнейшие отношения между князьями, в частности, оформляемые договорными грамотами. Духовная в принципе каждый раз заново конструирует систему уделов. С первичностью духовной связана ее абсолютная обязательность для наследников: духовная — акт воли их отца (а не плод их соглашения между собой, как договорная грамота).

Вторая черта духовной, непосредственно вытекающая из первой, — особое внимание, уделяемое в ней точному перечислению состава каждого удела. Как правило, духовная гораздо тщательнее фиксирует перечень владельческих единиц, чем это делают позднейшие (основанные на ней) договорные грамоты. Это и понятно: именно духовная конструирует эти владельческие единицы, тогда как договорная имеет с ними дело как со вторичными, уже сложившимися элементами.

Третья черта духовной состоит в том, что политические отношения между наследниками намечаются только в общих принципиальных чертах, без особой детализации и конкретизации. Конкретизация и детализация взаимоотношений наследников — дело их самих, оно отражается в их договорных грамотах, составляемых на основе духовной.

Таким образом, как источник по истории развития удельной системы духовная отражает преимущественно территориальные вопросы и наиболее важные политические принципы.

В эволюции московской удельной системы, прослеживаемой по духовным грамотам московских князей, можно отметить две основные черты. Это, во-первых, усложнение самой удельной системы по мере ее развития, по мере территориального роста Московского княжества, усиления его политических связей с великим княжением Владимирским и увеличения числа князей Московского дома. Вместо сравнительно простых отношений первых Калитичей ко времени Василия Дмитриевича складывается сложная многоступенчатая иерархическая структура, охватывающая князей в разных степенях родства, которые связаны своей принадлежностью к Московскому дому. Специфика удельной системы — стремление охватить всех князей, установить всеобщую иерархическую структуру; только при этом условии удельная система может функционировать как таковая.

Вторая черта — рост преобладания старшего из князей, главы Московского дома. От «печалования» старшего брата в духовной Калиты это преобладание эволюционирует к признанию главы Московского дома великим князем, номинальным главой всей Русской земли. При этом он сохраняет свое основное первичное качество — остается главой иерархической структуры Московского княжеского дома.

Совокупность и неразрывная связь этих двух черт — основа московской удельной системы, как она представляется по духовным грамотам XIV в.

Е. М. ШВАРЦ

КОДИКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРГАМЕННЫХ РУКОПИСЕЙ XIV—XV вв.

(на материале Софийско-Новгородского собрания ГПБ)

XV век был переломным периодом в истории Великого Новгорода. Он был отмечен глубокими социально-экономическими изменениями, приведшими к падению самостоятельности феодально-вечевой республики, и в то же время расцветом в области культуры и искусства. И если политическая история Новгорода XV в. надежно отражена в летописных и актовых источниках, то такую важную часть его культурной истории, как книгописание, приходится изучать, прибегая к методам «археологии книг» — кодикологии.

В настоящей работе на материале пергаменных служебных миней Софийско-Новгородского собрания ГПБ прослеживается судьба обиходного книгописания Великого Новгорода на рубеже XIV и XV столетий. Для этого времени характерно резкое возрастание количества изготовленных и соответственно дошедших до нас обиходных рукописных книг: по данным Предварительного списка славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР, от первых четырех столетий книгописания на Руси (XI—XIV вв.) в хранилищах СССР имеются всего 83 служебные миней русского извода, а только за период 30—70-х гг. XV в. в одном Софийско-Новгородском собрании до нас дошло 60 таких кодексов.¹ Объяснение этому факту может быть дано в ходе кодикологического анализа.

Рассмотрим древнейшие пергаменные миней Софийско-Новгородского собрания ГПБ. В его составе находятся 24 пергаменные служебные миней XII—XV вв. (Соф. 187—210). Соф. 187 (сентябрь) датирована по палеографическим признакам концом

¹ Служебные миней в качестве источника представляют собой интерес для кодикологии, поскольку это один из наиболее многочисленных дошедших до нас памятников славянской средневековой обиходной книги.